

МАТИЛЬДА СТАРР

АКАДЕМИЯ
МЕРТВЫХ
ДУШ

ВОИТЕЛЬНИЦА

Академия мертвых душ

Матильда Старр

Воительница.

Академия мертвых душ

«Автор»

2026

Старр М.

Воительница. Академия мертвых душ / М. Старр — «Автор»,
2026 — (Академия мертвых душ)

Академия мертвых душ снова распахивает двери. Для паркурщицы Славки бросить вызов высоте и доказать всем, что она способна на невозможное – обычное дело. Погибнув в своем мире, она возрождается в другом и становится студенткой знаменитого магического вуза. Только вот навыки, полученные в прошлой жизни определяют ее судьбу и в этой. А далеко не ангельский характер обязательно станет причиной неприятностей. Одна из которых – зарвавшийся мажор, который почему-то считает, что ему все можно.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Матильда Старр

Воительница. Академия мертвых душ

Глава 1

– Славк, ты только вдумайся! Восемнадцать! Через две недели тебе можно будет все.

– Все мне можно и сейчас, – возразила я. – Просто потом за это будут строже наказывать.

Мы сидели на крыше девятиэтажки, на самом краю, свесив ноги в пустоту. Ну, как «мы». Я, конечно, свесила. Кто-то оставался в метре от края и делал вид, что ему так удобнее. Кто-то устроился у вентиляционной будки, подальше от пропасти и поближе к термосу с чаем. Тим лежал на спине, подложив руки под голову, и смотрел, как над городом зажигаются первые звезды, ну или огни самолетов.

Внизу лежал город. Октябрь выкрасил его в цвета мокрого асфальта и пожухлых листьев. Пятиэтажки толпились внизу, как ученики младших классов на линейке, а над ними, через двор, стояла наша соседка – двадцатипятиэтажная свечка, новая, стеклянная, с подсвеченной короной на макушке. Ее построили два года назад, и все это время она смотрела на нашу девятиэтажку свысока.

– И что ты хочешь в подарок? – спросил Тим.

– Подарок – это сюрприз, – поучительно пояснила Линка, хоть ее никто и не спрашивал. – Такие вопросы не задают.

– Мне ничего не надо, – сказала я.

– Так не бывает, – сообщил Тим небу. – Всем что-нибудь надо. Особенно тем, кто говорит, что ему ничего не надо. Таким надо больше всех.

Я задумалась. Мне и правда кое-что было надо. Чтобы ноябрь не наступал. Чтобы зимнюю сессию приняли автоматом, без экзаменов. Чтобы мама перестала прятать от меня ключи от чердака. Но все это не продавалось, а если и продавалось, то не в том магазине, куда ходит Тим.

– Новые кроссовки, – сдалась я. – Тридцать пятого размера.

Кто-то коротко хохотнул.

Ну да, очень смешно! Тому, кто никогда не пытался найти приличную обувь для дюймовочки. Мне вот не смешно!

– Ладно, – сказала я и встала.

Ветер тут же вцепился в капюшон, как щенок в штанину.

– Слав, – Линка подняла голову от блокнота. – Не нужно. Погода нелетная...

– Первый раз что ли?

– Ты больная, – с уважением сказал белобрысый новичок, кажется, Сеня.

– Я тренированная. Это разные вещи.

Кто-то достал телефон. Вот и правильно. Пусть снимают.

Я затащила шнурки потуже, натянула перчатки и заправила косу под толстовку. Коса у меня длинная, цвета пепельный блонд – мама хватается за сердце всякий раз, когда я завожу разговор о практичных стрижках. В моем деле волосы – не украшение, а помеха.

Я прошла вдоль парапета, свесилась и посмотрела вниз. Вот он, мой козырек. Крыша лоджии девятого этажа, метра на три ниже края крыши. Дальше вниз – балконы, стекло, чьи-то кондиционеры, похожие на коробки из-под обуви, а на торце, за углом дома, ржавая вертикаль пожарной лестницы, спускающаяся к земле.

Я отошла к будке лифта, к самой ее стенке. Отсюда до парапета было двенадцать шагов.

Вдох. Выдох.

И я взяла спринт.

Рубероид пружинил под подошвами, упругий и чуть липкий от сырости. Бугорок. Лужа – брызги веером. Парапет вырос передо мной, низкий, серый, обитый жестью, и я, не сбавляя хода, поставила на него правую ногу и толкнулась.

На одно мгновение под ногами не стало ничего. Ни крыши, ни дома, ни города. Только воздух.

Это и есть самое главное. Ради этого мгновения я и лезу туда, куда нормальные люди не лезут. В нем нет ни универа, ни экзаменов, ни маминого «опять ты со своими крышами», ни того, что тебе через две недели восемнадцать, а ты все еще не знаешь, кем хочешь стать, когда вырастешь. Есть только ты и воздух. И воздух на твоей стороне.

Дроп.

Козырек ударяет в подошвы так, что в зубах отдается. Три метра – это не шутки, даже при моем весе. Уйти в ролл некуда, поэтому я гашу удар ногами, по-кошачьи, уходя в глубокий присед, контролирую соскальзываю с козырька в жесткий кэт-лип – это вис на прямых руках на самом краю плиты с упором стоп в стену.

Под ногами, за стеклом лоджии, кто-то смотрит телевизор. Я вижу мерцающий голубой отсвет на потолке и край дивана с вязаным пледом. Там тепло, там пьют чай, и никто из сидящих на диване не подозревает, что прямо за окном у них висит полтора метра чужого упрямства в толстовке.

Хэнг. Я перехватываю правой рукой верхний край остекления – алюминиевая рама, холодная, скользкая, но держит. Потом левой. Медленно опускаю ноги, нащупываю носком перила балкона.

Встала.

Теперь – аутсайд-транзит. Шаг. Перехват. Шаг. На пути торчит короб чужого кондиционера, белый, гудящий, с какой-то наклейкой. Обхожу его снизу, повиснув на руках и на секунду оказавшись над пустотой всем телом. Кондиционер недовольно дышит на меня теплым воздухом.

Плавно, без рывков, по перегородке, как по шесту, спускаюсь на балконную плиту восьмого этажа.

Здесь можно позволить себе полсекунды.

Пожарная лестница шла по глухому торцу дома, за углом. А угол – это угол. Ни балконов, ни выступов. Чтобы попасть за него, нужно пролететь.

Я перебираюсь к крайнему поручню балкона, хватаюсь обеими руками и сползаю в вис. Ноги болтаются над седьмым этажом. Качнулась. Раз, другой, третий, с каждым разом шире, как качели, которые раскачивает кто-то невидимый. На третьем махе ноги дотягиваются до бетонной панели стены.

Воллран. Один шаг по стене, всего один, но какой. Подошва впечатывается в бетон, толчок – и тело идет в сторону, туда, где кончался дом и начиналась пустота. Угол проплывает мимо, острый, как нос корабля.

Лаше.

Я отпускаю поручень, и меня разворачивает в воздухе на сто восемьдесят градусов. Целую долгую секунду я лечу, а потом намертво цепляюсь пальцами за слепой угловой выступ плиты на уровне седьмого этажа, уходя в глубокий кэт-лип.

Сердце колотится. Не от страха и даже не от усиленной физнагрузки. От радости. От этой огромной, звенящей, захлебывающейся радости, которая бывает только тогда, когда ты сделал то, чего не может никто вокруг. Только я.

Пожарная лестница слева, метрах в двух. Две вертикальные трубы-направляющие, между ними круглые ступени, рыжие от ржавчины, облупившиеся, как старая кастрюля. Я знаю ее наизусть.

Я съезжала по ней раз двадцать. Внизу, у самой земли, ее обрезали, чтобы не лазили дети, но это не страшно: оттуда я просто прыгиваю на газон.

Последний элемент. Финальный аккорд.

Я делаю мощный срыв махом назад. Лаше. Тело отрывается от стены, разворот, лечу к лестнице. И в полете – дино: выбрасываю вперед обе руки, далеко, до самого предела, до хруста в плечах. Ладони смыкаются на вертикальных трубах. Есть. Держу.

Дальше слайд. Самое красивое и самое простое.

Ослабляю хват – и вниз, гася скорость ладонями в перчатках и подошвами кроссовок. Трубы гудят под руками. Ступени мелькают перед лицом: одна, другая, третья. Ветер свистит в ушах.

На стыке седьмого и шестого этажей меня повело. Ничего страшного. Такое случалось и раньше. На этот случай есть отработанный способ.

Дроп-стоп - отпустить трубы, резко выбросить ноги вниз и жестко встретить подошвами ближайшую круглую ступень. Проще простого!

Стопы с силой ударяют по металлической перекладине...

И перекладина хрустнула.

Сухо, коротко, как ломается сухая ветка под ногой в лесу. Успеваю понять: ржавчина съела ее изнутри.

Ноги проваливаются в пустоту. Упора нет. Меня швыряет вниз. Рывок выкручивает кисти, ладони соскальзывают с вертикальных труб...

Вот и все.

Падать оказалось очень просто. Гораздо проще, чем все, что я делала до этого. Небо, серое и равнодушное, отодвигалось от меня.

Откуда-то сверху долетел крик. Кажется, Линкин. А может, и не Линкин. Может, это кричал ветер, у которого наконец-то получилось.

И почему-то, вместо того чтобы вспомнить всю свою жизнь, как это положено в книжках, я подумала только одно: интересно, что получится на видео? Темно же...

А потом все кончилось.

Глава 2

Пахло летом и травой. Пахло так густо, что этот запах, казалось, можно намазывать на хлеб. По щеке ползло что-то щекотное. Я дернула головой, и щекотное улетело, обиженно зажужжав.

Я открыла глаза и увидела небо. Синее-синее, без единого облачка. Такое небо бывает только на открытках, ну и, пожалуй, в детстве.

– Ой! Очнулась! – обрадовался кто-то рядом. – Ну наконец-то! Я уж думала, ты до вечера проваляешься. А нам еще идти и идти!

Я села. Голова не кружилась, ничего не болело. Это было странно. После падения с шестого этажа что-нибудь болеть обязано. Хотя бы ради приличия.

Рядом со мной, подобрав под себя ноги, сидела девица. Пухленькая, румяная, круглолицая, с ямочками на щеках, будто ее лепили из сдобного теста и в последний момент ткнули пальцем, проверяя, поднялось ли. Русые волосы заплетены в две косы и уложены вокруг головы корзиночкой. Одета она была в длинное платье горчичного цвета с белым воротничком, поверх – короткий жакет с рядом медных пуговиц, пышными рукавами и вышивкой по краю. Из-под подола выглядывали остроносые башмаки на шнуровке.

Выглядела она так, будто сбегала со съемок фильма про гимназисток. Или с ярмарки исторической реконструкции. Или, что вероятнее всего, с тусовки ролевиков. Девица улыбалась. Широко, приветливо и как-то подозрительно радостно. По моему опыту, так улыбаются продавцы на рынке, когда собираются продать тебе просрочку по цене крыла от боинга.

– Ты кто? – спросила я.

– Ромильда, – она с готовностью протянула мне пухлую ладошку. Ладошка повисла в воздухе. – Я твоя помощница. Можешь задавать мне любые вопросы!

«Ромильда, – мысленно повторила я. – Ну конечно. Кем еще может считать себя особа в таком платье? Не Светой же».

Ладонь она в конце концов убрала. Без обиды, просто вытерла ее о юбку и сложила руки на коленях.

– Я тебя знаю... Ну то есть не знаю, конечно... Но знаю, как зовут! В списке так написано: леди Ярослава.

– В каком еще гребаном списке?! – рыкнула я.

– Ой, ты только не нервничай, это совершенно ни к чему!

Я посмотрела вниз, на себя, и поняла, что нервничать мне как раз можно. Даже нужно. Моя толстовка исчезла. Исчезли спортивные штаны. Исчезли кеды, перчатки и даже белье. Вместо всего этого на мне была ночная рубашка. Я нервно хохотнула, хотя смешного тут было мало. Длинная, до щиколоток, из грубого белого полотна.

Меня переодели сумасшедшие ролевики? Точнее, одна сумасшедшая ролевичка. Пока я была без сознания, какая-то придурочная раздела меня и нарядила в... это.

– Где моя одежда?

– На тебе, – развела руками Ромильда. – Все в таких платьях появляются. Просто сюда ничего материально не переходит, понимаешь? И ты появилась уже вот так. Да не расстраивайся, у вас отличная стипендия, все купишь! Тебе вообще-то очень повезло, что сюда попала!

– Куда – сюда?

Ромильда вздохнула. Глубоко, со значением, как вздыхает учительница, которую в сотый раз спрашивают, сколько будет семью восемь.

– В наш мир. Ты ведь... ну... умерла. И ваш мир тебя отпустил. А наш принял. Теперь ты будешь жить здесь. И учиться в академии. Это большая честь, между прочим! Туда далеко не всех берут. Из наших, местных, поступает один из сотни, а то и меньше. Вот я поступила.

Благодаря тебе, если подумать... Ну точнее не тебе, раньше у меня была другая подопечная, но и тебе тоже.

Умерла? Да ты гонишь, булочка!

Я чувствую себя живее всех живых!

Ролевичка там еще что-то говорила про магию, про уроки, про сильный дар и отличные перспективы, но я не слушала.

Я думала. И результаты этих размышлений удручали. Вывод напрашивался сам собой, и мне он совсем не нравился. Меня похитили. Подобрали внизу, под пожарной лестницей, пока была без сознания, и куда-то увезли. А теперь эта сумасшедшая с косами пытается убедить меня, что я умерла и попала в сказку.

Зачем? Ну, вариантов немного. Секта. Или что похуже. Органы у меня, если что, хорошие. Спортивная подготовка, не курила, не пила, только тренировалась. Ценный товар.

«Спокойно, – сказала я себе. – Сумасшедших злить нельзя, это все знают».

– Понятно, – кивнула я. – Другой мир. Академия магии.

– Да! – обрадовалась Ромильда. – Как хорошо, что ты все так воспринимаешь! Без слез и истерик.

– Очень хорошо, – согласилась я и встала.

И даже не пошатнулась, ноги отлично держали. Нигде не тянуло, не ныло, даже колени не болели.

Я огляделась, ища пути к отступлению.

Кругом простиралось поле. Огромное, широкое – до самого горизонта. Высокая трава колыбалась от ветра, переливалась серебристыми волнами. Вдали темнел лес, будто кто-то провел по краю мира толстым зеленым карандашом.

И ни столба, ни провода, ни трубы, ни крыши. Ни-че-го.

Ладно. Сюда меня как-то привезли. Не на руках же эта пышка меня тащила? Значит, где-то есть дорога. А где дорога, там машины, люди, телефоны и полиция, которой я с огромным удовольствием расскажу про Ромильду, ее академию и ее списки.

– Пойдем скорее! – с глупой улыбочкой позвала Ромильда.

Вот! Очень здравая мысль! В отличие от всего, что она бормотала до этого.

Я выбрала направление и рванула вперед.

– Ты куда? Академия не там! – засмеялась моя похитительница.

Похоже, не поняла, что это побег.

– Вот и хорошо.

– Как же хорошо, когда нехорошо! – она всплеснула руками и поспешила за мной. – Академия вон там, за холмом! А в этой стороне ничего такого нет. Туда никто не ходит!

– Значит, я буду первая.

Трава хлестала по ногам, земля под босыми ступнями была теплой и мягкой. Идти босиком оказалось непривычно. И это злило.

Ромильда семенила рядом, путаясь в юбке.

– Послушай, – пыхтела она, – тебе правда нельзя сейчас далеко ходить. Ты скоро уснешь. Все новенькие засыпают. Так всегда бывает после перехода. Не успеешь опомниться – и бух! Прямо там, где стоишь. А мне потом что? Тащить тебя? Я тебя не дотащу! И мы уходим все дальше и дальше!

«Ну, дотащила же как-то сюда», – мрачно подумала я, но вслух ничего не сказала.

– Леди Ярослава! Ну остановись, пожалуйста! Я же за тобой не успеваю!

– Так и не успевай! Не поверишь, но именно это мне и нужно!

Я ускорила шаг, хоть и до того шла очень быстро.

– Мне же головомойку устроят! – почти взывала Ромильда. – Если я тебя не приведу! А может, и вовсе выгонят... А если с тобой что-то случится? Ты хоть понимаешь, что со мной сделают?!

Ага. Значит, Ромильда работает не одна. Есть еще кто-то, кто дает указания и проверяет, как они выполнены. Я покосилась на девчонку. Взмокшая, запыхавшаяся, она выглядела, прямо скажем, жалко. Ну какой из нее главный злодей! Мелкая сошка, которой велели меня покарать, а потом привести. Куда? Предпочитаю никогда этого не узнать.

– Тебя выгонят, а меня? – поинтересовалась я. – Меня там что ждет?

Черт, ну зачем? Мне вовсе ни к чему знать, что уготовила для меня ее секта.

– Комната! – с жаром воскликнула Ромильда, явно обрадовавшись моему интересу. – Отличная комната. Ты выступишь, а потом будет разбор, и тебя определят на факультет. И начнется учеба! Вам, иномирцам, знаешь сколько магии дается? У вас ее больше, чем у всех наших вместе взятых!

– Магии, – повторила я.

– Магии! – подтвердила она так искренне, что мне на секунду даже стало ее жалко.

Бедная девочка. Совсем заигралась в свое Средиземье. И ведь воспользовался кто-то ее дуростью, не погнушался! Видно же, что сама верит в то что говорит!

Несчастная сумасшедшая совсем запыхалась, но упрямо тащила за мной, правда, теперь молча. Это было очень кстати, давало возможность подумать в тишине.

Что-то тут явно было не так. Нет, понятно, тут все не так – меня похитили! Но было кое-что еще.

Вчера вечером я сорвалась с пожарной лестницы, летела спиной вниз, упала на асфальт у дома. И вот я иду по полю. Своими ногами. Как такое вообще возможно?

Повезло? Просто повезло, как везет одному из миллиона?

Но мысль эта почему-то не грела.

Я подняла руку и посмотрела на ладонь. Кожа чистая, гладкая. Никогда такой не была! Увлечение паркуром не способствует красоте маникюра, ладошки в ссадинах – обычное для меня дело.

«Бывают же заживляющие мази, – сказала я себе твердо. – Хорошие, дорогие. Может, похитители меня ими мазали, пока я валялась без сознания. Ну да, похитители с аптечкой. Заботливые похитители. Берегут товар».

Я раздраженно отмахнулась от пчелы, которая, кажется, всерьез приняла меня за цветок. Стоп, пчела? Пчела в октябре?

Я остановилась так резко, что Ромильда чуть не врезалась мне в спину.

Трава вокруг была зеленой. Сочной, яркой, налитой соком до самых кончиков. Ни одной желтой травинки, ни одного бурого стебля. В траве синели колокольчики, белели ромашки, покачивались на тонких ножках розовые головки клевера. Над ними гудели шмели – толстые, мохнатые, неторопливые, будто им некуда было торопиться до самой осени. А до осени и правда было далеко.

Солнце пекло по-июльски: я только сейчас заметила, что макушке горячо, а под рубашкой по спине стекает струйка пота.

А ведь сейчас середина октября!

Получается... Получается, я была без сознания не один день? И за это время зажили ссадины, а меня перевезли куда-то на юг?

– Ну подожди же! – взмолилась Ромильда, хватая ртом воздух. – Ну пожалуйста! Я так быстро не могу!

– Не можешь – не ходи.

– Как же я не пойду? Ты ведь уснешь сейчас!

Я усмехнулась. Ага, мечтай!

Что-что, а спать я точно не собиралась.

Я оглянулась. Ромильда была красная, как вареный рак. Корзиночка из кос на ее голове съехала набок, жакет она расстегнула, а подол подобрала двумя руками и бежала за мной, из последних сил. Мне стало ее почти жалко.

– Слушай, – сказала я, не сбавляя шага. – Давай договоримся. Ты сейчас разворачиваешься и идешь к своим... Кто они там... Говоришь им, что я сбежала. Что ты сделала все, что могла. Тебе ничего не будет, ты же правда старалась. А я найду дорогу, людей и постараюсь добраться домой.

– Нет у тебя никакой дороги домой! – Ромильда и вдруг шмыгнула носом, совсем по-детски. – Ты умерла! Понимаешь? Тебя, может, уже похоронили.

Я ничего не ответила. Просто пошла дальше.

Потому что спорить с сумасшедшими нельзя. А еще потому, что где-то глубоко-глубоко внутри, под ребрами, стало вдруг тоскливо и холодно.

Сколько я уже иду? Минут сорок, не меньше. Быстрым шагом. А это километра четыре, если не все пять. И за это время ни тропинки, ни колеи от колес, ни даже консервной банки или обертки от мороженого – самых верных примет человеческой цивилизации. Ни одного столба. Ни одной примятой травинки, кроме тех, что примяла я сама.

Ромильда сзади снова что-то говорила – про то, что мы идем уже давно, а значит, мне пора засыпать! «Уснешь, уснешь», – талдычила она, достала до крайности.

Что за бред! Ни за что я не усну!

Стоило так подумать, я... зевнула. Ноги налились тяжестью, веки потянуло вниз.

Нет! Нет, нет, нет! Только не сейчас!

– Ну вот, – вздохнула где-то позади Ромильда. – Я же говорила!

Я сделала еще шаг. Земля качнулась мне навстречу легко и просто. Неужели я опять падаю? Только на этот раз не в черную пустоту двора, а в траву.

«Ну и ладно, – успела подумать я. – Посплю пять минут. А потом обязательно сбегу».

И уснула.

Глава 3

Проснулась я уже в другом месте. Медленно повернула голову и осмотрелась. Пока я дрыхла без задних ног, меня все-таки перетащили из чиста поля в помещение, и сейчас я находилась в небольшой комнатке. У стены громоздился шкаф – темный, резной, на гнутых ножках, с медными ручками в виде листьев. Имелся тут и стол, накрытый вышитой салфеткой, и два стула с высокими спинками. Возле кровати стояли белые тапочки... хм, кажется, моего размера.

Вот тут мне стало по-настоящему не по себе. Похищение – это, конечно, в любом случае неприятно. Но похитители, которые заранее знают размер твоей ноги, – это уже перебор.

Рядом с кроватью тумбочка на тонких ножках, где теснились какие-то флаконы.

Розеток не было, ни одной. Да и вообще ни выключателя, ни лампы под потолком, даже ни единого провода! Телевизора, разумеется, тоже. Вообще все вокруг имело какой-то средневековый вайб. Ни одной вещи, по которой можно было бы понять, что двадцать первый век уже наступил.

Сектанты, что с них возьмешь!

Прямо за изголовьем, в высоком проеме, светилось окно, затянутое кружевной занавеской. Солнце пробивалось сквозь кружево и раскладывало по одеялу узоры – листья, завитки, каких-то птиц с длинными хвостами.

Окно – это очень кстати. Нужно осмотреться и понять – куда это я попала.

Я приподнялась и выглянула наружу. Внизу лежало поле, такое же бесконечное и такой же зеленое. На горизонте темнела все та же полоса леса.

Я прикинула высоту по привычке, как прикидывала сотни раз на крышах. Этаж десятый, если мерить нашими хрущевками. А если мерить здешними потолками, то, наверное, шестой-седьмой.

Нет, а все-таки – где я? Кто вообще строит высотки посреди пустого поля? Без дорог, без соседей, без единого забора? Только те, кому соседи не нужны. И кому очень не нужно, чтобы соседи знали, что тут творится...

Я резко вскочила с кровати. Голова закружилась, пол качнулся, поплыл влево, мягко и неторопливо. Ноги стали ватными, как у тряпичной куклы.

Чтобы не упасть, я уцепилась за тумбочку, и флаконы, посыпались на пол.

Я зажмурилась, ожидая звона и брызг битого стекла. Но нет, ни один не разбился.

«Ну вот, – мрачно подумала я. – Все-таки что мне вкололи».

На грохот прибежала Ромильда, все такая же круглая и румяная, только платье другое, правда в том же ролевиновом стиле. С порога затараторила:

– Уже проснулась? Хорошо. Только води себя прилично. Ты мне знаешь, сколько хлопот доставила?

– Догадываюсь, – буркнула я и осторожно опустилась на край кровати. Голова все еще кружилась.

– Не догадываешься! – обиженно возразила Ромильда. – Ты же упала посреди поля! Пришлось к Гариетте идти, просить помощи. Знаешь как неудобно перед ней было?

Я невольно представила неведомую Гариетту, широкоплечую, могучую, вот она легко закидывает меня на плечо и шагает через поле, насвистывая.

– А что, – поинтересовалась я, – Гариетта у вас такая силачка?

Ромильда укоризненно покачала головой.

– Да что ты! Зачем ей? Она парней прислала – с артефактом портала, разумеется. Они тебя на руки взяли да в портал и внесли. А потом от портала, до комнаты донесли и на кровать положили.

Я только вздохнула.

Совсем сумасшедшая. Артефакт портала, подумать только.

Но вот парни – это уже интереснее. Парни были вполне материальны. Парни взяли меня на руки, пронесли через свой «портал», которым, скорее всего, была дверца машины, и подняли наверх. И некто Гариетта, которая этими парнями командует. Так и запишем.

Надо было выяснить больше. Осторожно, не спугнув.

– Слушай, а много вас тут вообще? Ну, народу... в этой твоей академии.

Ромильда задумалась.

– Значит, так. Факультетов пять. На каждом по пять курсов. А на курсе... ну, когда как. Обычно человек пятьдесят. Это уже сколько выходит? – Впрочем, умножать она не стала и продолжила: – Потом еще преподаватели. Ой, и в магазинчиках и лавках же работают продавцы! И в кафе... Нет, я не сосчитаю, – призналась она наконец, разводя руками.

– Погоди, какие еще магазинчики-лавки? Какие кафе?

Кто знает, может, у этих сектантов все-таки есть какая-то цивилизация? Магазины и кафе давали бы хоть какую-то да надежду. Кто знает, может, там есть какая-нибудь продавщица с телефоном и шанс, что она хоть раз в жизни видела новости и знает слово «полиция».

– Как это какие? – удивилась Ромильда. – Обыкновенные. Там продают все, что нужно для учебы, ну и вообще для жизни. Да вон же они, – она подошла к окну и ткнула пухлым пальцем в стекло. – Видны отсюда.

Я, к стыду своему, повелась – посмотрела в окно, хоть только что видела там то, что видела, проследила, куда указывает палец... И разумеется никаких лавок, магазинов и кафе там не обнаружила.

Поле. Трава. Ничего нового.

Вот же болезная... И ведь как уверена в своем бреде. Да я и сама хороша!

– Ой, – Ромильда вдруг хлопнула себя по лбу. – Ну да! Совсем забыла! Ты же этого ничего не видишь, потому что разбора не было. От посторонних академия скрыта! Для них – кругом чистое поле... Вот сходишь к ректору на разбор, там определяют на факультет – и уже будешь все видеть, как положено.

Вот это да! Как все-таки интересно устроено сумасшедствие. Даже вид из окна, самый очевидный, самый неоспоримый факт, какой только может быть, – и тот находит в ее бедной больной голове удобное и почти логичное объяснение. Не кафе нет, а я его не вижу.

Ладно. Не будем отвлекаться на чужие диагнозы. Кое-что полезное эта сдобная булочка мне все-таки сообщила.

Во-первых, здесь есть некая Гариетта, которая, похоже, всеми тут управляет. Во-вторых, ректор, к которому меня поведут на некий мистический разбор. Что там может меня ждать – страшно даже думать. А еще упомянутые ранее крепкие парни...

Выбираться из комнаты надо будет осторожно, кто знает, что ждет там за порогом. Надо поскорее выпроводить эту помощницу и обыскать шкаф, вдруг там будет что-то полезное для побега. Пока ничего толкового я тут не вижу. Разве что тапочки. Хлипкие, конечно, но идти в них лучше, чем босиком...

Я так погрузилась в размышления, что почти забыла про Ромильду. Она подошла к тумбочке, возле которой валялись рассыпанные флаконы. И вдруг – раз! И все они оказались на тумбочке.

Я поморгала.

Что за чертовщина? Когда она успела их собрать? Да и как сделала это не наклоняясь? Ведь только что же...

Так. Спокойно. Я просто задумалась и наверняка отвернулась, и не заметила, как Ромильда собрала флаконы и поставила их на тумбочку. Знакомый уже холод под ребрами недобро шевельнулся.

– Тебе бы поесть, – озабоченно сказала Ромильда. – После магического сна нужно подкрепиться. Чего бы тебе хотелось?

Ну надо же. Какой сервис! Прямо вот все, чего бы мне хотелось!

Хотелось мне, если честно, только домой. Но говорить ей это бессмысленно, опять начнет нести свою сектантскую чушь.

Но раз уж спрашивают... Что ж, я отвечу!

Я откинулась на подушки и усмехнулась пр себя.

– Утку, – сказала я. – Запеченную с яблоками. Еще фуа-гра. И бутерброды с черной икрой. Только икры побольше, а то вечно мажут так, что хлеб видно!

Ну и что она будет делать? Принесет краюху хлеба и скажет: вот, это вам утка, а хлебом кажется только потому, что разбора еще не было! Ну а что, схема знакомая.

Впрочем, я бы и от краюхи хлеба не отказалась – жрать хотелось просто нечеловечески. Если надо, буду наворачивать его с аппетитом и просить несчастную дуру принести мне еще этих восхитительных яств. И постараюсь часть заныкать – для грядущего побега.

Ромильда деловито кивнула, пошептала что-то себе под нос – быстро, неразборчиво и...

И на столе появилась еда.

Нет, серьезно только что стол был пуст – а в следующее мгновение уже нет. На большом овальном блюде лежала утка. Жаркая, лоснящаяся, с подрумяненной до бронзы кожицей, тут же, истекая золотистым сиропом, теснились печеные яблоки. Рядом на тарелочке поменьше розовели ломтики фуа-гра. А на третьей тарелке высилась аккуратная пирамида бутербродов: белый хлеб, масло и черная икра. Причем икры было столько, что хлеба под ней не было видно вовсе.

Все как я и просила.

По комнате тут же разлился запах печеных яблок, корицы, жареной корочки и чего-то еще, отчего желудок немедленно проснулся и громко, совершенно неприлично, заявил о своих правах.

Я сидела на кровати и не могла пошевелиться.

Фокус. Это просто какой-то фокус. Я ведь в детстве бывала в цирке, видела, как из шляпы достают кроликов, а из рукава – голубей. Ловкость рук. Или... может, это просто голограмма...

Я мысленно выдвигала версию за версией, но они не казались убедительными даже мне самой. И все же я решила проверить: подошла к столу, протянула руку и осторожно, одним пальцем, потрогала бок утки.

Горячо! Я отдернула палец и машинально сунула его в рот. Соль, жир, чеснок, какая-то трава, которую я не узнала. Вкусно. До обидного вкусно.

Это еда. Не муляж, не голограмма – а самая что ни на есть настоящая еда. Горячая, вкусна, пахнущая так, что голова закружилась.

Но как такое может быть?!

– Ну вот, – Ромильда удовлетворенно оглядела стол и отступила к двери. – Все, как ты хотела. Ты кушай, кушай, не стесняйся. А я не буду мешать. Пообедаешь, отдохнешь, а потом поговорим.

Она взялась за дверную ручку.

Вот уж нет!

– Куда?! – рявкнула я. – А ну-ка стой! Никуда ты не пойдешь, пока не объяснишь мне, что за чертовщина тут творится!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.